

Е.И. Белая

Императив в системе категорий художественной концепции личности «эпохи рубежа»

Аннотация: В статье введено понятие «эпоха рубежа» относительно первой трети XX в. Автор отмечает, что личность как объект интердисциплинарного исследования включена в универсальную систему категорий, однако усматривает противоречие между сложностью художественной концепции личности как объекта исследования и недостаточной разработанностью системы ее категорий в литературоведении. С этой целью экстраполируются философские понятия «категорические императивы» и «гипотетические императивы», введенные И. Кантом. В совокупности они представляют художественную деонтологию героев белорусской литературы, сочетая общечеловеческое и национальное. Особенную национальную выразительность имеют те элементы поэтики, которые мы определяем как гипотетические императивы. При их переводе на язык иной культуры бывает сложно заполнить лакуны. На материале белорусской прозы первой трети XX в. делается вывод о своеобразии национальной личности и ее художественной модели.

Ключевые слова: «эпоха рубежа», концепция личности, экзистенция героя, категорические императивы, гипотетические императивы

Abstract: The article introduces the concept “borderline epoch” concerning the first third of the 20th century. The author notes that personality as the object of interdisciplinary studies is included to the universal system of categories. However, there is a contradiction between the importance of the artistic conception of personality and the insufficient development of its categories in the literary system. To solve the problem the terms “categorical imperatives” and “hypothetical imperatives” introduced by E. Kant are used to represent artistic deontology of heroes of Belarusian literature. Particularly, hypothetical imperatives can be applied to describe linguistic phenomena related to the concrete national material. Its translation into the language of another culture shows that it is difficult to fill all the gaps and find proper equivalents. The conclusion of the peculiarities of national personality and its artistic models is made on the material of Belorussian prose of the first third of the 20th century.

Key words: “borderline epoch”, artistic concept of the personality, existence of hero, categorical imperatives, “hypothetical imperatives”

Проблема художественной концепции личности в современной филологической науке продолжает оставаться актуальной. Мы исследуем данную проблему на материале прозы первой трети XX в., определяя ее как «эпоху рубежа» – время крупных естественнонаучных открытий, возникновения новой идеологии, разнообразных трансформаций в области эстетики и т. п. Но прежде всего, безусловно, данная дефиниция характеризует фрагмент социально расщепленного мира, охваченного войнами и революциями, ломкой политических основ, духовным кризисом личности. Наша современность по ряду социокультурных тенденций сходна с данной переходной эпохой.

Мы разделяем вывод о том, что художественная концепция личности есть реализованная на разных уровнях литературного текста авторская система взглядов на человека: его социальную природу, роль в культурной жизни, индивидуальные черты, которые раскрываются в процессе общественных отношений¹. Из сказанного следует, что концепция личности – междисциплинарный феномен, требующий широкого гуманитарного и гуманистического подхода. Цельность личности выявляется в ее связях с историей нации, культурой и цивилизацией, что неизбежно расширяет систему научных категорий, характеризующих данный объект исследования.

Анализируя прозу первой трети XX в., мы столкнулись с некоторым дефицитом понятий, а это затрудняет уточнение параметров художественной концепции личности. Стимулом данного исследования послужило противоречие между значимостью проблемы художественной концепции личности и недостаточной разработанностью категорий в этой сфере научного знания. Мы предприняли попытку использовать философское понятие *императива*, введенное И. Кантом в «Критике практического разума» (1788)², которое помогает охарактеризовать признаки и взаимосвязь ряда исследуемых явлений. Осознавая, что в процессе заимствования происходит некоторая деформация термина, мы всё же выражаем надежду, что данная попытка не будет расценена как произвольное смешивание терминологии из различных сфер гуманитарного знания.

Все вещи в мире, указывал И. Кант, имеют относительную ценность, и только разумная и свободная личность безусловно ценна сама по себе. По Канту, каждому в своих поведенческих стратегиях следует руководствоваться не только желаниями, но и общечеловеческими правилами. Императив (что означает «повелительный») – приказ, обращенный человеком к самому себе. Повиноваться ему означает управлять собой, а это необходимо всегда. Различаются императивы категорические и гипотетические. Категорический императив, по Канту, является внеэмпирическим и априорным. Его суть выражается в формуле: ты можешь, следовательно, должен. Это означает осознание своего долга каждым человеком (независимо от происхождения, богатства, жизненных обстоятельств), включая тех, как подчеркивает Кант, кто этого императива не соблюдает.

Проходя свой исторический путь, белорусы выработали немало таких лапидарно сформулированных моральных законов, которые нашли отражение в отечественной словесности. Категорические императивы – это по содержанию «твердые истины» (И. Науменко), а по форме – словосочетания и предложения (часто афористические), характеризующиеся сконденсированностью, значительностью, емкостью мысли. Совокупность категорических императивов в эстетической ре-

¹ Бронская Л.И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья: И.С. Шмелёв, Б.К. Зайцев, М.А. Осоргин: Дисс. ... докт. филол. наук. Ставрополь, 2001. С. 5.

² Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 311–501.

альности белорусской литературы представляет своеобразную художественную деонтологию. «Не присягай криво!» (не давай ложного свидетельства, пустого обещания); «К тюрьме не ведай дороги!»; «Нет лучшего панства, чем господарство»; «Что для души, то в душе и должно быть». Классику отечественной литературы Якубу Коласу принадлежит самая краткая формула белорусской консервативности: «На чем сидишь, то и блюди ты...».

Можно сказать, что белорусская история – это история войн. Естественным образом сложился ряд категорических императивов как напутствий завтрашнему солдату. Целый ряд их находим у Алеся Гаруна: «Двинутся в битву полки – ты боязливым не будь»; «Будет противник побитый лежать – ты пожалей его, брат»; «Старость, девичество не оскорбляй...»¹. Основы белорусской экзистенции в межвоенное время сформулированы К. Чорным: «надо жить», «надо шевелиться», «надо начинать всё сначала» («трэба жыць», «трэба варушыцца», «трэба пачынаць усё спачатку»), т. е. восстанавливать жилище, сеять хлеб, рожать и растить детей.

Белорусы менее склонны к категоричности, чем, например, русские. Этим обусловлено присутствие в художественной концепции героев национальной классики «гипотетических императивов» наряду с категорическими (мы заключаем данное понятие в кавычки, памятуя об опасностях деформации). Д.С. Лихачев считал, что о народе надо судить преимущественно по тому лучшему, что он осуществил либо только стремится осуществить. М.М. Пришвин признавался: «Я, скорбно любя свой народ, считаю всех выше нас»². Анализ «гипотетических императивов» героев белорусской прозы первой трети XX в. дает достаточно оснований для «скорбной любви». И если категорические императивы тяготеют к общечеловеческому (хотя тоже не без исключений, о чём, в частности, свидетельствует русская поговорка «От тюрьмы и от сумы не зарекайся»), то гипотетические – к конкретно-национальному. Именно поэтому они достаточно сложно переводятся на язык иной культуры (и даже в самом прямом смысле – на иной язык, чем в ряде случаев и обусловлено цитирование на языке оригинала).

Если категорические императивы не имеют ничего общего с успехом или результатом, осторожностью или ловкостью, их диктует долг, то гипотетические носят *частный* характер и имеют смысл только для того, кто действует исходя из какой-либо цели. Они требуют, чтобы наши действия были полезными, т. е. речь идет о выборе средств, пригодных для осуществления поставленной цели. «Гипотетические императивы», выделенные нами в художественных текстах, выявляют – в духе так называемого «осторожного оптимизма» – надежду героев на лучшую долю. Но в весьма неопределенной форме. Стоит, однако, заметить, что категорические императивы иногда облекаются в форму гипотетических, и их бывает сложно разграничить: «...Надо было всё же как-то жить. Надо как-то определяться» («Трэба было ўсё ж неяк жыць. Трэба як-небудзь меркавацца»)³. В прозе первой трети XX в. представлены самые разные варианты традиционного белорусского «нешта будзе» («что-то будет»). Один из героев жил и «крепкую надежду имел: когда-то что-то должно быть...»⁴. С одной стороны, такая надежда кажется, согласно иронической характеристике В. Набокова, «резиновой», с другой – это один из экзистенциаль-

¹ Гарун А. И я с народом... : стихи, рассказы, пьесы. Минск: Худож. лит., 2007. С. 56.

² Пришвин, М. М. Дневники. М.: Правда, 1990. С. 389.

³ Барановых С. Две повести. Минск: Беларусь, 1967. С. 21.

⁴ Калюга Л. Произведения: роман, повести, рассказы, письма. Минск: Худож. лит., 1992. 607 с.

ных принципов героев белорусской прозы, ведь надежда придает жизни динамику (один из категорических императивов – «надзея варушыць жыццём»). В контексте «гипотетических императивов» стоит рассматривать и бережливость героев-белорусов: не одно, так другое, не сегодня, так завтра может случиться какая-либо прокруха. В черные дни не исключали еще более черных... Весьма распространены эпизоды, когда в свете «гипотетических императивов» будущие колхозники моделируют возможные жизненные ситуации. Писатели часто пользуются в таких случаях средствами смеховой культуры. Вот диалог из одной повести о коллективизации:

«– Скажем, мне надо куда-нибудь поехать, а мой конь в упряжке: кто-то на нем пашет или боронует...

– Что ж, если тебе ехать придется, то и поедешь. ...Чей-нибудь конь не будет занят... Ты присягнул своему коню, что ли?

– ...Не в этом дело. Мне, может, и не придется ехать, мне это только знать охота: как же оно будет?»¹

Так же гипотетически «самореализуется» один из героев романа К. Чорного «Земля». Он не торопится жениться, чтоб не потерять свободы. «Проживу и так. Лучше вольному человеку. Куда ни глянешь, всюду можешь пойти. Может, ты никогда никогда и не пойдешь, но тебе так кажется». Даже соглашаясь с перспективой весь век просидеть на завалинке, герой и в этом видит преимущества «вольной» жизни: «Но мне жена не выйдет и не скажет – довольно тебе сидеть. Опять же: оно не страшно, что жена скажет. Я могу это и без ничьей указки взять да пойти. Но тут вся музыка в том, что вот же никто мне не ска-а-жет»².

М. Бубер выделил два типа отношений к миру: «иметь» и «быть» (в смысле быть личностью, самоактуализироваться), которыми определяются и жизненные стратегии героев белорусской прозы. Но наряду с этим четко выделяется третья ипостась – «казаться», которая демонстрирует склонность белорусов творить «миф наоборот». Она реализуется в ряде «гипотетических императивов», являющих собой своеобразное понимание достоинства. В средневековой белорусской поэме «Песня про зубра» говорится: «Может, мы дома достатком не равные с кем-то, а на торгах приbedняться не в нашей натуре». Но чаще всё-таки белорус стремился казаться беднее, притвориться неимущим, остерегаясь то чужака, то недоброго глаза, то злой судьбы. Эта часть, по выражению Н. Бердяева, «национального неизменного» сохранилась не только в художественной концепции личности «эпохи рубежа», но и в ментальности наших современников.

Может показаться, что классическое значение термина «гипотетические императивы» чрезмерно расходится с тем контекстуальным, которое мы ему приписываем. Но установить связь помогает следующая параллель: в качестве гипотетических императивов предлагается, к примеру, рассматривать совет доктора человеку, заботящемуся о своем здоровье. Такой совет не обязателен, а факультативен, поскольку основан на эмпирическом доказательстве. Поэтому он и не имеет универсальной силы категорического императива. Выражаясь языком метафоры, гипотетические императивы в белорусской прозе – это специфическое средство национальной психотерапии. «Нешта нейкае некалі, мусіць, павінна быць нам, га?...» («Нечто некое некогда, видимо, должно быть для нас, не так ли?...»). Одна из составляющих художественной концепции личности – эстетический идеал как высший образец красоты, добра, истины, воплощенный в образе человека, а также

¹ Барановых С. Две повести. Минск: Беларусь, 1967. С. 83.

² Чорный К. Земля // Чорный К. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. Минск: Худож. лит., 1973. С. 307..

в общественном устроении. По определению Л. Гумилева, идеал – это «далекий прогноз, воспринимаемый интуитивно»¹. Гипотетические императивы белорусов в прозе «эпохи рубежа» преимущественно касаются общественного устройства. «Ну і хай сабе. Некалі нечага накшага прычакаем» («Пусть всё идет своим чередом. Может, когда-нибудь чего-либо иного дождемся»). В них узнаваемы черты «стихийного фатализма», свойственные нашим соотечественникам... Позиция «Ніколі не трэба наперад нічым хваліцца»² («Никогда не надо раньше времени ничем хвастаться») также определяется доминированием в самосознании героев гипотетических императивов: лихо его знает, а может, повредит!.. И это «ничем» распространяется на ценности и бытового плана, и духовного уровня. Гипотетические императивы разделяются на императивы умения и императивы благоразумия. Последние часто продиктованы не нравственными мотивами, а прагматическими соображениями. В художественной концепции личности героев «эпохи рубежа» именно императивы благоразумия выступают как этнические доминанты. Поступки, которые осуществляются под их воздействием, Кант квалифицирует не как нравственные, а как легальные, т. е. вполне приемлемые и даже одобряемые в обществе: они не противоречат интересам общества и развитию цивилизованных отношений.

Пожалуй, ключевой гипотетический императив белорусов (опять же с претензией на категоричность) – «Моя хата с краю». Он сформировался в «кормящем» ландшафте Беларуси, болотистом и лесистом, который обусловил расселение людей небольшими сообществами, а это уже исток определенного индивидуализма, усиленного эпохой войн и революций. За ним часто угадывается позиция человека, который стремится никому не замутить воды: «Я... нічога нікому ніколі ніякага...»³.

Органичность гипотетики в первой трети XX в. связана с необычайной подвижностью бытия. «Что-то иное нужно, – знали все, а что нужно – никто не догадывался»⁴. Привычный мир деформируется. Как отметил в 1931 г. Пришвин, будучи на Урале, «стремление вперед так огромно, что будущее становится реальней настоящего. Ведь это верно, что инженер еще прошлый год здесь заблудился в лесу. Теперь тут город, а лес стоит вдали. Но какой это лес, ведь он обречен, его завтра здесь не будет, этот лес почти нереальность. Зато вот механический цех, которого еще нет, – это реальность...»⁵.

Существует шуточное выражение – «Реальные герои всегда идут в обход». Но на самом деле в нем лишь доля шутки... Как отмечает Ант. Адамович, для героев Якуба Коласа важно «найти не столько выход, сколько обход, совсем не направленный на подрыв “законов, начертанных жизнью”»⁶. Важнее не «порвать пути» (А. Пашкевич), а «выпутаться» (Я. Колас) из пут, это значит руководствоваться эволюционными тенденциями, чтобы уцелеть как народ в «кровавых омутах» истории, сохранить жизнь как таковую, как основополагающую ценность, что, однако, не влечет потери собственного достоинства. Важно не рубить, а развя-

¹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М.: Айрис-пресс, 2011. С. 516.

² Чорный К. Третье поколение // Чорный К. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. Минск : Худож. лит., 1974. С. 155.

³ Родзевич Л. Произведения: драматургия, проза, поэзия, публицистика, письма. Минск: Худож. лит., 2008. С. 205.

⁴ Калюга Л. Произведения: роман, повести, рассказы, письма. Минск: Худож. лит., 1992. С. 129.

⁵ Пришвин М.М. Дневники. М.: Правда, 1990. С. 182.

⁶ Адамович Ант. К истории белорусской литературы. Минск: Издатель ИП Змитер Колас, 2005. С. 378.

зывать. Вот в этом берет исток, по словам З. Бядули, героизм извечного терпения белорусов, их «мудрая “инфантильность”» (В. Конон). Об этом качестве писал Пришвин: когда в жизни своей мы подходим к необходимости решения трудного вопроса, то обращаемся к книгам либо ищем совета. «А немногие только решаются – не решать трудного вопроса, а терпеливо дожить до решения»¹. Заметим, что «дожить до счастья, до любви» – прерогатива не только дворянских героев Тургенева, но и деревенских Хони и Хадоськи в «Полесской хронике» Ивана Мележа.

Герои прозы «эпохи рубежа» выявляются преимущественно как субпассионарные и непассионарные личности. Отношение же к пассионариям выражается примерно так: «Ты его такого в гроб положи, так он тебе и могилу расколуپывать начнет...». Суб- и непассионарии самовыражаются подобно герою М. Горецкого: «От, нехай там кто-то что-то делает, а наше дело – сторона». У К. Чорного сказано еще более категорично: «Мое дело телячье – поел да в хлев» (аналогично сказано и у М. Шолохова: «...поел, да в закут»). Нежелание идти на сход по коллективизации герои К. Чорного высказывают примерно так: «А чего мне идти первому? Как люди, так и я». Член сельсовета сетует, что каждый на другого уповает. Но надо же кому-то первому быть! Выражение «Не будь первым, пусть иной кто...» в текстах «эпохи рубежа» весьма распространено. Но первого найти тяжело (и это тоже одна из причин нашей «скорбной любви» к своему народу...). Несколько утешает наличие универсального прецедента. Согласно библейскому преданию, когда Моисей бросил посох в Красное море, оно, вопреки ожиданию, не расступилось, чтобы дать евреям перейти его посуху. И пока первый человек не прыгнул в бурное море, обещанного чуда не случилось...

Таким образом, для обозначения выраженных образным языком мировоззренческих архетипов белорусов мы используем философские понятия «категорические императивы» и «гипотетические императивы». Категорические императивы – твердые истины, на которых зиждется моральный закон личности. Они тяготеют к общечеловеческим ценностям. «Гипотетические императивы» – убедительная часть нашего «национального неизменного», которая не только определяет специфику художественной концепции личности первой трети XX в. как «эпохи рубежа», но и сохраняется в ментальных структурах белорусов в наше время.

ЛИТЕРАТУРА

Адамович Ант. К истории белорусской литературы. Минск: Издатель ИП Змитер Колас, 2005. 1464 с.

Барановых С. Две повести. Минск: Беларусь, 1967. 316 с.

Бронская Л. И. Концепция личности в автобиографической прозе русского зарубежья: И.С. Шмелёв, Б.К. Зайцев, М.А. Осоргин: Дисс. ...докт. филол. наук. Ставрополь, 2001. 371 с.

Гарун А. И я с народом... : стихи, рассказы, пьесы. Минск: Худож. лит., 2007. 141 с.

Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М.: Айрис-пресс, 2011. 560 с.

Калюга Л. Произведения: роман, повести, рассказы, письма. Минск: Худож. лит., 1992. 607 с.

Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. С. 311–501. (Философское наследие)

Пришвин М.М. Дневники. М.: Правда, 1990. 480 с.

¹ Пришвин М.М. Дневники. С. 371.

Родзевич Л. Произведения: драматургия, проза, поэзия, публицистика, письма. Минск: Худож. лит., 2008. 343 с.

Чорный К. Земля // Чорный, К. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. Минск : Худож. лит., 1973. 544 с.

Чорный К. Третье поколение // Чорный К. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. Минск : Худож. лит., 1974. С. 7–223.

REFERENCE

Adamovich Ant. (2005) To the History of Belarusian Literature. Minsk: Publisher IP Zmiter Kolas. 1464 p.

Baranavych S. (1967) Two Stories. Minsk: Belarus. 316 p.

Bronskaja L.I. (2001) The Concept of Personality in the Autobiographical Prose of the Russian Diaspora: I.S. Shmel'ov, B.K. Zaitsev, M.A. Osorgin: Thesis. Dr. Philology. Stavropol. 371 p.

Harun A. (1992) And I am with the People... : Poems, Stories, Pieces. Minsk: Khudozhestvennaya Literatura Publ. 141 p.

Gumilev L. (2011) Ethnogenesis and the Earth's Biosphere. M. Ajris-press. 560 p.

Kaljuha L. Works: Novel, Stories, Short Stories, Letters. Minsk: Khudozh. lit., 1992. 607 p.

Kant I. (2006) Kritik der praktischen Vernunft. Moscow. AST Astrel Publ. 492 S.

Prishvin M. (1990) Diaries. Moscow. Pravda Publ. 480 p.

Rodzevich L. (2008) Works: Dramaturgy, Prose, Poetry, Publicism, Letters. Minsk. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 343 p.

Chorny K. The Earth. In: Chorny K. Collected Works: In 8 v. Vol. 3. Minsk. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1973. 544 p.

Chorny K. The Third Generation. In: Chorny K. Collected Works: In 8 v. Vol. 5. Minsk. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1974. P. 7–223.

Сведения об авторе:
Елена Ивановна Беляя,
канд. пед. наук
доцент,
профессор
кафедры филологии БарГУ (Барановичи, Беларусь)

Elena I. Belaya,
Candidate of Pedagogic Sciences
Assistant Professor,
Professor
Department of Philology
Baranovich State University (BarSU), Belarus
alba.57@mail.ru